

«Текст» в понимании Р. Барта отличается значением от термина его предшественников. Дальнейшее развитие его концепции можно проследить в трудах его коллег и последователей. Неординарный подход к интерпретации текста/дискурса явился предпосылкой дальнейших исследований в области семиологии, текстологии и дискурсивной лингвистики.

В заключение можно отметить глубокий интерес в современной лингвистике к проблемам текста, среди которых некоторые остаются дискуссионными; а также весомый вклад французских и франкоязычных исследователей

в теорию текста, опирающихся на блестящие традиции французского языкознания и труды его выдающихся представителей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Barthes R. S/Z. P., 1974. 280 p.
2. Baudrillard J. The Order of Simulacra // Literary Theory: An Anthology. Blackwell publishers, 1998. 236 p.
3. Derrida J. Of Grammatologie // Literary Theory: An Anthology. Blackwell publishers, 1998. 448 p.
4. De Saussure F. Cours de linguistique générale. P.: 1983. 520 p.
5. Guillaume G. Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume. Paris – Québec, 1968. 223 p.

УДК 43 Нем

Калмыкова Г.А.

*Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова*

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ МАРКЕРОВ КАУЗАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

G. Kalmykova

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

DIACHRONIC ASPECT OF CAUSALITY MARKERS' DEVELOPMENT IN GERMAN

Аннотация. В немецком языке существует богатая система маркеров каузальных отношений. В статье прослеживаются основные этапы формирования и репрезентации маркеров каузальности. Основное внимание уделяется древневерхненемецкому, средневерхненемецкому и ранненововерхненемецкому периодам. Прослеживается диахронический аспект союзов *weil*, *denn*, *wenn*. Выявляются условия формирования семантического синкретизма основных каузальных союзов, а также особая роль временного порядка следования событий, формирующего отношения причинной обусловленности.

Ключевые слова: маркеры, каузальность, союзы, паратаксис, гипотаксис, древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, ранненововерхненемецкий.

Abstract. In German there is a rich system of markers for causal relations. In this paper we consider main stages of formation and representation of causality markers. In the focus of our attention are: old high German, middle high German and early new high German. We also consider diachronic aspect of conjunctions *weil*, *denn*, *wenn*. We define the conditions for formation of semantic syncretism of the main causal conjunctions and also the specific role of temporal sequence of events, which take part in the formation of causal relations.

Key words: markers, causality, conjunctions, parataxis, hypotaxis, old high German, middle high German, early new high German.

Маркерами каузальных отношений в современном немецком языке являются союзы со значением причины, следствия, условия, уступки и цели, темпоральные и копулятивные союзы, некоторые предлоги. Существуют глаголы-каузаторы, а также сложные слова, в которых в сжатой форме представлено отношение причинной обусловленности [2].

Актуальность работы заключается в том, что постоянные языковые изменения [6, 19; 7, 369] требуют, в свою очередь, обращения к истокам семантико-прагматического синкретизма, в частности в области отношений причинной обусловленности. В работе мы ставим перед собой цель проследить основные этапы формирования богатой системы средств маркировки и репрезентации каузальности.

Древневерхненемецкий период (750–1050 гг.) характеризуется скудостью письменных памятников, что чрезвычайно затрудняет установление всей совокупности закономерностей строя языка в этот период, особенно форм устной, разговорной речи. В подавляющем большинстве сохранившиеся письменные памятники древневерхненемецкого периода носят духовный характер и являются либо переводами с латинского языка, либо пересказами англо-саксонских и латинских источников. Таким образом, исследование истории развития тех или иных языковых средств, в частности средств выражения каузальности, требует учёта всех этих факторов. Необходимо также осознавать, что латинские или англо-саксонские источники, несомненно, оказывали влияние на синтаксический строй немецкого языка как языка-реципиента. Руководством исследователю в изучении переводных письменных памятников может служить замечание В.Г. Адмони о том, что особое значение для характеристики строя немецкого языка (и, в первую очередь, синтаксического строя) в его своеобразии имеют те отступления от оригинала, которые встречаются в древневерхненемецких переводах с латинского [4, 30].

Изыскания в области истории языка [3] доказывают, что основными средствами, ко-

торые служат соединению слов в предложении в древневерхненемецкий период, являются:

- 1) использование форм слова, характеризующих отношение одного слова к другому по принципу согласования и управления;
- 2) использование особых служебных слов;
- 3) использование определённого порядка слов.

При описании языковых средств выражения каузальности следует в первую очередь обратить внимание на лексические возможности немецкого языка того периода, так как общее обусловленное значение фразы/предложения, несомненно, определялось возможностями лексики. В древневерхненемецкий период уже сформировался определённый тип каузативной конструкции, которая состояла из глагола *lazan* («lassen»), реже – *tachon* («machen») – и инфинитива. Подобные каузаторы, которые находятся внутри одного предложения и служат для оформления отношений причины-следствия, рассматриваются в современных грамматиках как «лингвистические маркеры каузальности, которые функционируют на уровне простого предложения» [8]. В.Г. Адмони относит такие конструкции к предложениям, построенным с помощью конструктивного глагола (*Konstruktions verb*), т. е. глагола, требующего распространённой вербальной конструкции. «Глагол указывает на (внутреннее или внешнее) действие, которое направлено (выделено нами. – Г.К.) на другой процесс (действие или состояние)» [4, 43]. Иными словами, глагол имеет определённое значение «цели». Так, приводится пример «*ni liazzi irgraban sinaz huz*» [«er ldsst nicht sein Haus untergraben»]; «*ni maht thaz gitachon, tharaingegin rachon*» [«Du kannst nicht das machen, (ndmlich) dagegen sprechen»]. Важным является примечание В.Г. Адмони о том, что, несмотря на то, что в последнем из приведённых примеров оба инфинитива синтаксически параллельны, семантически второй инфинитив *зависит* от первого. Это замечание тем более существенно, что речь

идет о внутренней структуре высказывания. Особо следует отметить, что многие отношения более сложного порядка, которые в дальнейшем были представлены сложными синтаксическими конструкциями, изначально выражались только семантически, на семантико-контекстуальном уровне. Так, например, обстоятельства с предлогами и генитивные конструкции являются проявлением различных видов условно-уступительной семантики, но поскольку еще нет специальных форм, которые были бы призваны передать подобную семантику, их выделение проходит не на грамматическом, а на семантико-контекстуальном уровне.

Вторым по важности средством, передающим значение каузальности в древневерхненемецкий период, являются служебные слова, к которым относятся предлоги и союзы. Их функция состоит исключительно в обозначении отношения между словами или группами слов. Поскольку четко установленных союзов и предлогов с соответствующей (каузальной) семантикой в немецком языке того периода нет, то их функцию достаточно успешно выполняют различные указательные и относительные местоимения и местоименные наречия: *do/ когда, тогда; bidiu, mit thiu /в то время как; когда; biz, unz /до тех пор; sit /с тех пор; er / раньше чем; причинный союз (h)wanta /так как, потому что и многие другие.*

Слова, развившиеся позднее в союзы, включенные в синтаксическую конструкцию с каузальным значением, такие, как *weil, wenn* и *denn*, в этот период представляли собой самостоятельные лексические единицы. Так, будущий союз *weil* развивался из слова *wile* или двн. *h[wīla]*, основное значение которого было «покой», «передышка», «перерыв». В древневерхненемецкий период слово *h[wīla]* активно использовалось в сочетании *dia wila so* («в период времени, когда») [5, 807].

Будущий союз *wenn* в древневерхненемецкий период представлял собой наречие *h[wanne] / h[wenne]*, восходящее к индогерманским корням наряду с *wer* и *was* [5, 801]. Союз *denn* восходит к *dann* и через него к

двн. *dana, danne, denne*. Изначально это наречие являлось наречием места, восходящим к *der* с основным значением «von dannen» («оттуда», «от того места») [5, 115].

Что касается синтаксических конструкций, то в древневерхненемецкий период они представлены:

- 1) простыми предложениями;
- 2) сложными составными предложениями или сочетаниями предложений, то есть созданные комплексы предложений являются паратаксисом; в качестве подвидов различают союзные и бессоюзные предложения;
- 3) сложноподчинёнными предложениями или соединением элементарных предложений в виде гипотаксиса;
- 4) периодами, которые представляют собой соединение двух или более главных предложений с придаточными предложениями в виде паратаксиса (однако следует заметить, что конструкции такого рода в древневерхненемецкий период встречаются чрезвычайно редко и могут рассматриваться скорее как исключения).

Следует отметить, что в древневерхненемецкий период зафиксированы особые маркеры текстовой связи. В.Г. Адмони подчёркивает: «Преимущественно это были компоненты с темпоральной семантикой следования». Данное примечание подтверждает наше предположение о том, что исконными конструкциями, распознаваемыми также и на уровне интуиции в качестве каузальной конструкции, являются отношения темпорального следования [2].

Особый интерес при исследовании исторических корней кондиционала представляют сложноподчинённые предложения и становление их формы. Первый шаг – использование конъюнктива с целью отделения последующего элементарного предложения от предыдущего: «Herro, ich thichoze dir: thas wazzer gabist du mir [«Herr, ich bitte dich: das Wasser gäbest du mir»] [4, 63].

Второй шаг – более свободное присоединение элементарного предложения с помощью связки *und*, которая в древневерхненемецкий период, в отличие от ранненововерхненемец-

кого периода, могла выражать различные семантические оттенки.

Третий шаг, который и формирует собственно придаточное предложение, но при этом проходит много этапов, – создание подчинительных союзов.

Что касается союзов, то в древневерхне-немецкий период самостоятельное значение начинает приобретать форма *so*, которая временами выступает как самостоятельный союз с темпоральным, уступительным и причинным значениями, например: «*So si in irahus giang*» («*Als sie in ihr Haus ging*») [4, 64].

Особое место среди средств, которые служат для формирования придаточного предложения, занимает форма *thaz*. В указательно-обобщающей функции она встречается и как член главного предложения, и как указатель придаточного предложения и может равным образом стоять в обоих предложениях, в этом случае в главном предложении *thaz* выполняет функцию коррелята. Но во многих случаях эта форма стоит между обоими предложениями и может представлять собой вид предложений *aro koipu* (вид наддиалектных предложений). Уже в древневерхне-немецкий период стало выявляться чрезвычайное семантическое богатство формы *thaz* в качестве средства связи. В «Песне о Гильдебранде» (*Das Hildebrandslied*), несмотря на её краткость, с помощью *thaz* строились придаточные дополнительные предложения, предложения цели и уступки. У Отфрида и Ноткера конструкция с *thaz* овладела почти всем спектром семантических подвидов придаточных предложений со структурными и логическими связями между придаточным и главным предложениями: здесь есть субъектные и объектные придаточные предложения, относительные, модальные, причины, цели, ограничительные, а также инструментальные и придаточные времени. Конечно, в этом помогают и другие компоненты. Так, например, существовали конструкции *bi, in, zi thiu thaz* со значением причины и цели и многообразные более новые образования (ср.: «*bi thiu thaz ih irdualta*» («*weil ich versäumte*»)) [4, 65]. Существовали также некоторые подчи-

нительные союзы, которые образовались не от местоимённых корней или, по меньшей мере, сильно деформировали новые соединения. Это характерно для союзов *ob, ibu* в стяженных формах *nuba, niba* (уступительно-ограничительное: *es sei denn; wenn nicht; wenn auch, nicht* и т.д.), *suntar (wenn nicht; wofern nicht)*, *(h)wanta* (причинное), *sid* (темпоральное). Но почти все из них могли быть использованы не только в гипотаксисе, но и в паратаксисе, так что необходимы были дополнительные средства (вышеприведенные словоформы и, прежде всего, место в предложении) для того, чтобы элементарное предложение трансформировалось в придаточное.

Таким образом, система словоформ, которая служит для введения придаточных предложений, несёт на себе в высокой степени черты синонимии и омонимии, которые характерны для древневерхне-немецкого периода. Однако именно в эту эпоху уже выкристаллизовалась структурная схема придаточного предложения, то есть синтаксически независимого элементарного предложения, что можно проследить на примере порядка слов [4, 65]. Следует отметить, что вопрос о сформированности сложноподчинённых предложений до сих пор не имеет однозначного ответа. Сомнения в наличии такого вида предложений в древневерхне-немецкий период время от времени высказываются в лингвистической литературе (Ср.: Gumbel, 1930. Цит. по: [4, 61]). Гумбель считает, что в древневерхне-немецкий период не существовало гипотаксиса, а все отношения выражались лишь паратаксисом. На этом основании он приходит к выводу, что и мышление было примитивным. Оснований для подобных заключений нет, хотя бы по той причине, что мы не располагаем достаточным количеством письменных памятников, чтобы однозначно судить о свойствах мышления в тот период.

Однако существует и точка зрения, что, начиная с древневерхне-немецкого периода, основные средства сочетания слов в предложениях были те же, что и в современном не-

мецком языке, хотя во внутренней области применения этих средств, конечно, происходили определённые изменения [3, 94].

Средневерхненемецкий период (1050 г. – 1350 г.) уже характеризуется разветвлённой системой маркеров гипотаксиса, что свидетельствует о сформированности данного типа предложений в немецком языке в указанный период. В этой связи особый интерес представляют наблюдения Н.П. Еремеевской над синтаксисом сложноподчинённого предложения в средневерхненемецкий период. Автор приходит к выводу, что наряду с простыми союзами наблюдается функционирование союзных синтагм, которые появились именно в силу того, что простые союзы (а это преимущественно *daz* и реже *und*) характеризуются в семантическом и функциональном планах такими чертами, как многозначность, семантическая диффузность, полифункциональность [1, 13]. Однако продолжает наблюдаться функциональная недифференцированность некоторых подчинительных союзов. Она проявлялась на уровне как форм, так и типов синтаксической связи. На уровне форм это выражалось в их способности выступать сразу в двух функциях: подчинительного союза и релятива (*so, do, und*). Не было чётких границ между собственно союзами и наречиями. На уровне типов связи полифункциональность проявлялась в отсутствии резких границ между сочинительными и подчинительными союзами, так как некоторые из них спорадически (*und*) или регулярно (*wan, denn*) выступали в обеих функциях.

Н.П. Еремеевская отмечает, что изучение семантики подчинительных союзов конкретных в конкретных текстах показало, что в средневерхненемецкий период большинство из них не было способно однозначно выражать характер семантических отношений между частями сложноподчинённого комплекса. Один и тот же союз вводит придаточные предложения несходной семантики и различных функций (*als(o), so, wenn, denn, wan, nach dem*). Некоторые союзы в силу нерасчленённости близких значений, которая

основана на смежности логических категорий (время и условие, время и причина, цель и следствие, условие и уступка) также выступают в двух функциях: *do darumb, als verre, ob*. Крайним проявлением такой многозначности может служить союз *daz*, который является, по существу, «всезначным», а кроме того вводит придаточные всех функций, то есть используется лишь в качестве маркера подчинения [1].

Союз *als(o)*, по наблюдениям Н.П. Еремеевской, соединял в себе в средневерхненемецкий период такие значения, как временное, причинное, следствия, условия, сравнения, пропорционального сравнения, ограничительное; союзная синтагма *als verre* соединяла временное, условное и ограничительное значения и т. д. Причинное значение выражали союзы: *als(o), da, darumb, daz, denn, do, nu, seit, wan, wenn(e)*. Для выражения цели маркерами служили союзы: *damit, darumb, daz, uf daz*. Отношение следствия было представлено тремя союзами: *als(o), daz, und*. Условие в средневерхненемецкий период имело достаточно богатую систему союзной репрезентации. К ним относятся такие союзы, как: *als(o), auch, da, daz, do, in dem, nu, so, wan, wenn(e)*. Отношения уступки маркировались союзами: *auch, ob, so, und, wan, wenn(e), wie, wie wol*. И, наконец, ограничительная связь репрезентировалась союзами: *als vil, als verre*.

Не только союзы, но и наречия, местоимения и местоимённые наречия участвовали в формировании гипотаксиса, принимая на себя роль коррелятов в главном (матричном) предложении. Для придаточных предложений условия коррелятами являлись наречия *so* и *do*. Коррелятами в предложениях с семантикой причины также служили только наречия *so, nu, do, denne*. Следствие, как и цель, маркировалось коррелятами *also* и *so*. Кроме того, цель маркировалась ещё местоименными наречиями *damite, darumb, da[r]zuo*. Отношения уступки не имели каких-либо коррелятов в гипотаксисе [1].

Следующий период развития языка, ранневерхненемецкий (1350 г. – 1650 г.),

представлен в исследованиях преимущественно такими текстами, как документы и переписка, что наложило свой отпечаток и на особенности синтаксиса. Несмотря на большую роль паратаксиса в некоторых жанрах, таких, как описание путешествий или хроники событий, первый этап ранненововерхне-немецкого периода характеризуется особым взлётом употребления сложноподчинённых предложений, особенно в различных документах. В качестве формальных средств гипотаксиса выступают союзы, относительные местоимения, порядок слов и конъюнктив. Но особое значение имеет порядок слов, в силу того, что союзы и относительные местоимения не являются однозначными.

Особо отмечается возросшая роль союза *als*, который в ранненововерхне-немецком периоде выступает в качестве союза подчинения и имеет значение соотнесенности в целом. В значении условия часто выступает союз *ob*, в некоторых случаях и союз *wie*, иногда в форме *in Maßen*. Часто союз *als* (или *wie*) сопровождается формой *denn(e)*. Несмотря на то, что преимущественное право маркирования отношений подчинения принадлежит союзам *daß* и *als*, наблюдается использование форм вспомогательных придаточных предложений с семантикой условия или уступки (*Ist es denn, Wäre es* и т. д.). В трудах М. Лютера наблюдается тенденция привести разговорную речь в письменные тексты. Это приводит к тому, что, например, процент предложений с союзом *daß* составляет около 72%. При этом на долю латинских союзов (*quod, ut, ne*) приходится около 27% [4, 175]. В простом предложении встречаются конструкции с предлогами, которые выполняют функции обстоятельства причины (*wegen, kraft, behuf, halben*). В XVII в., однако, сохраняется тенденция к использованию сложных предложений, которые позволяют выразить сложные смыслы или сложное содержание. И это наблюдается не только в произведениях канцелярского стиля, но и в трактатах, и в поэтических произведениях. По наблюдениям В.Г. Адмони, их доля превышает 50%, а у Опица доходит до 71% [4, 195].

На позднем этапе ранненововерхне-немецкого языка система подчинительных союзов становится всё более определённой. Некоторые из союзов не имеют стилевых ограничений и встречаются в произведениях разных стилей: *weil, ob, wenn, daß* (и разные сочетания с *daß*), *wofern, obzwar* и т. д. Другие союзы характерны только для канцелярского стиля: *maßen (inmaßen, immaßen, wasmaßen* и т. д.) и *gestalt (ingestalteten, was gestalten, welcher gestalten, solchergestalt daß* и т. д.).

В конце XVIII в. система подчинительных союзов достигает примерно того состояния, которое характерно и для современного немецкого языка. Интересны наблюдения над долей сложноподчинённых предложений в литературе XIX и XX вв., проведённые Г. Эггером (1973): «В нехудожественных прозаических произведениях классиков количество простых предложений составило от 21% (Гете) до 26% (Лессинг и Гердер). В прозе Шиллера – 23%. В научно-популярной литературе середины XX в. (издательство Rowohlt) 40%, а в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* – 46%. В современных текстах приблизительно половину составляют сложноподчинённые предложения (*Rowohlt* – 51%, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* – 47%)» [4, 257]. По нашим наблюдениям над синтаксисом сказки В. Гауффа «*Märchen als Almanach*» [2], количество сложных предложений в ней составило 56,2%, из которых на долю каузальных структур пришлось 48,7%.

Результаты проведённого исследования показывают, что становление гипотаксиса как основного развёрнутого средства экспликации отношений причиной обусловленности окончательно утвердилось только к началу XVIII в. Однако в языке изначально существовали такие способы репрезентации отношений каузальности, как семантическая взаимозависимость предикатов, использование глаголов-каузаторов, а также словосочетания (сочетание существительного с предлогом) с семантикой каузальности. В период несформированности гипотаксиса основная роль в передаче отношений обусловленности отводится временному (линей-

ному) порядку следования предложений. Временная последовательность часто становится единственным маркером причинной обусловленности. Система союзов как особая группа маркирования внутренних отношений в гипотаксисе сформировалась лишь к началу XVII в., пройдя период функциональной многозначности, что до сих пор проявляется в синкретизме значений некоторых союзов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Еремеевская Н.П. Типы синтаксической связи в сложном предложении (средневерхненемецкий период): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
2. Калмыкова Г.А. Семантико-синтаксическая единица импликации и способы ее вербализации (на материале немецких романтических сказок): Дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1994. 214 с.
3. Филичева Н.И. История немецкого языка: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 280 с.
4. Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990. 287 S.
5. Duden. Das Herkunftwörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bibliografisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 1997. 843 S.
6. Keller R. Spachwandel: Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. Tübingen und Basel: Franke Verlag, 1994. 208 S.
7. Paul H. Über Völkerpsychologie: Rede anläßl. des Stiftungsfestes der Universität München am 25. Juni 1910 // Süddeutsche Monatshefte. München, 1910. № 2. S. 363-377.
8. Stukker N.M. Causality marking across levels of language structure: a cognitive semantic analysis of causal verbs and causal connectives in Dutch: The Netherlands, Universiteit Utrecht, 2005. 286 p.